

В И Б Л И О Т Н Е С А І Г Н А Т І А Н А

Б о г о с л о в и е , Д у х о в н о с т ь , Н а у к а

Л.А. БЕЛЯЕВ, Н.Я. МЕРПЕРТ

ОТ БИБЛЕЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ
К ХРИСТИАНСКИМ

Bibliotheca Ignatiana. Богословие, Духовность, Наука

Леонид Беляев

**От библейских древностей
к христианским**

«ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ»

2007

Беляев Л. А.

От библейских древностей к христианским / Л. А. Беляев —
«ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ», 2007 — (Bibliotheca Ignatiana.
Богословие, Духовность, Наука)

«Перед читателем, в сущности, две книги под одной обложкой. Это заметно по подходу к изложению материала и даже по форматированию. Есть и более глубокие различия, например, в понимании соотношения исторических и археологических источников, а также задач обзоров: первая половина книги (до начала эллинизма), в основном, суммирует позитивные результаты работ в области т. н. «библейской археологии»; вторая, перекрывающая период с эллинизма до начала византийской эпохи, сосредоточена на проблемах историографии и источниковедения, проблемах датировок, атрибуций, контекстуальных интерпретаций...»

© Беляев Л. А., 2007
© «ИНСТИТУТ СВЯТОГО
ФОМЫ», 2007

Содержание

От авторов	6
Глава I	11
1–1. Археология ассирийского периода в Палестине	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Л. А. Беляев, Н. Я. Мерперт
От библейских древностей к
христианским. Очерки археологии эпохи
формирования иудаизма и христианства

© Институт философии, теологии и истории св. Фомы

© Н.Я. Мерперт

© Л.А. Беляев

От авторов

Перед читателем, в сущности, две книги под одной обложкой. Это заметно по подходу к изложению материала и даже по форматированию. Есть и более глубокие различия, например, в понимании соотношения исторических и археологических источников, а также задач обзоров: первая половина книги (до начала эллинизма), в основном, суммирует позитивные результаты работ в области т. н. «библейской археологии»; вторая, перекрывающая период с эллинизма до начала византийской эпохи, сосредоточена на проблемах историографии и источниковедения, проблемах датировок, атрибуций, контекстуальных интерпретаций¹.

Внешняя причина объединения столь различных половин в том, что обе части написаны в качестве продолжений или приложений к двум уже изданным обзорам проблем, исследуемых археологией религии. Один был посвящен древностям Палестины в их соотношении с Ветхим Заветом (Мерперт, 2000), второй – сравнительному изучению памятников христианской Церкви (Беляев, 1998/2000). «Христианские древности» охватили большой период, от истоков позднеантичного христианства до конца Средневековья, при столь же значительном территориальном охвате (от первых шагов христианства на Ближнем Востоке и в Магрибе до широкого распространения и упрочения его на европейском континенте). «Очерки археологии библейских стран» в территориальном охвате были ограничены Палестиной с примыкающими районами Восточного Средиземноморья, но их хронологические рамки оказались не менее значительными: от появления на Ближнем Востоке древнейших предков человеческого рода до разрушения иерусалимского Храма вавилонским царем Навуходоносором II (586/587 г. до н. э.). Но оба обзора имели хронологические, а значит, и тематические, ограничения: «Очерки...» обрывались на сер. I тыс. до н. э., поскольку это традиционный для библейской археологии рубеж; в «Древностях», наоборот, почти не была затронута «ветхозаветная» составляющая. Через тот и другой рубеж необходимо перешагнуть, чтобы образовать неразрывную культурно-хронологическую последовательность. Так что выпуск двух разных книг под одной обложкой кажется нам оправданным уже с формальной точки зрения: две области археологии делают шаг навстречу друг другу, хотя вектор их движения при этом в хронологическом отношении противоположен.

Впрочем, важнее другое. Эпоха, которую освещает наш совместный обзор, почти никогда не рассматривается в Сиро-Палестинском регионе и на Ближнем Востоке как единое целое, как самостоятельный культурно-исторический период. С одной стороны, ее заслоняют бурные события периода заселения евреями Ханаана с последующим формированием, расцветом и гибелью государств Иудеи и Израиля, и отвечающая им картина развития материальной среды Палестины, на которой много десятилетий было сосредоточено все внимание археологов. С другой стороны, внимание отвлекает не менее яркий и гораздо более проявленный в художественном и археологическом отношении мир Средиземноморья эпохи Империи, полный внутреннего драматизма и служащий средой для становления христианства.

Все, что происходит в «промежуточный» период, выглядит, с точки зрения обеих «конфессиональных» археологий (археологии иудаизма и археологии христианства), своего рода

¹ Работа шла в несколько этапов, первый из которых составил сбор материалов, в основном законченный к 2001–2003 гг. Дальнейшая обработка несколько затянулась (отчасти из-за сложностей с выбором издательства и научного редактора). В конце концов, ответственность за главы разделилась следующим образом: первые разделы, вплоть до эпохи эллинизма, составлены Н.Я. Мерпертом, затем отчасти перестроены и проредактированы Л.А. Беляевым; им же полностью переписаны главы по эпохе эллинизма и раннему римскому периоду, и составлен итоговый раздел о религиозных древностях раннего иудаизма и христианства. Тяжелейший труд выверки географических названий, личных имен, и, отчасти, общего научного редактирования взяла на себя ученица Н.Я. Мерперта, С.В. Бабкина. Иллюстративный ряд собран Л.А. Беляевым при учете пожеланий Н.Я. Мерперта.

интермедией, не имеющей внутреннего единства и не заслуживающей исследования как целостный объект. Но такой взгляд – результат научно-культурной ангажированности, порожденной многовековой сосредоточенностью этих археологий на привлекательных или же на самых спорных и проблемных участках культурно-исторического процесса, каким он представляется религиозному сознанию. На самом деле, избранная нами эпоха обладает не только известной культурной цельностью, – она является во многих отношениях ключевой для генезиса (и, соответственно, для анализа) обеих частей Завета как исторических источников. Почти то же самое можно сказать и в отношении формирования новых религиозных форм – талмудического иудаизма и раннего христианства. Поэтому потребность в книге, которая служила бы своего рода мостом между археологией древнейшего периода Сиро-Палестинского региона и археологией раннехристианского Средиземноморья, для нас обоих очевидна.

Дело затрудняется тем, что, хотя оба автора не впервые обращаются к вопросам изучения религиозной археологии, в данном случае они вынуждены решительно выйти за границы «своих» исторических периодов и оказаться в непривычной для них атмосфере античного Средиземноморья и Ближнего Востока, пугающе быстро подойдя «к границам своей профессиональной компетенции», как выразился в аналогичной ситуации С.С. Аверинцев. Зная, что такое поведение может не довести до добра, – мы все же решились, поскольку, после выхода обеих книг (тепло встреченных коллегами) убедились в нужности таких экскурсов, и, одновременно, осознали, что нам не удалось охватить избранную область религиозной археологии целиком. Между бурно развивающейся археологией раннего Израиля и не менее активно исследуемым раннесредневековым периодом отсутствовало связующее звено. Неестественность разрыва между ними очевидна без объяснений. В историографии этот разрыв вырос из-за того, что специалисты, занимающиеся археологией Сиро-Палестинского региона с эпохи позднего каменного века до первых столетий железного века обычно останавливаются на моменте гибели независимых еврейских государств (т. н. «вавилонском пленении»), не доходя до эллинистической эпохи. В то же время ученые, изучающие археологию Средиземноморья, могут опереться на материальные объекты, оставленные христианами, в лучшем случае, со II–III вв. н. э., а чаще – с IV или даже V вв.

Таким образом, неохваченным остается период в восемь-девять веков истории (VI в. до н. э. – 313 г. н. э.). Причем это период, чрезвычайно важный для выяснения генезиса христианства и рождения зрелых форм иудаизма; для изучения связи между Ветхим и Новым Заветом (разрыв между которыми в области письменных источников отчасти заполняют «исторические» книги Библии, а также очень большое, в сравнении с предыдущей эпохой, количество классических, «античных» источников). Конечно, попытки закрыть эту брешь в последнюю четверть века появлялись (особенно в Израиле), но они, как правило, ограничиваются более узкими и, в общем, произвольными рамками (например, эпохой возникновения христианства и его взаимодействием с иудаизмом; эпохой Второго храма, и т. п.).

Обнаружив это, мы решили сделать скромную попытку собрать материал по интересующим нас вопросам археологии т. н. «межзаветного» периода, а также по эпохе Нового Завета и ранней Церкви вплоть до Миланского эдикта, и, изложив его, заполнить образовавшийся промежуток. У нас были основания рассчитывать на успех, поскольку предыдущие работы все же обладали некоторыми общими чертами: во-первых, целью обеих было ввести в отечественную науку материал, накопленный в западной археологии за последние 70–100 лет и касающийся истории религии, а также проанализировать методические подходы к нему; во-вторых, в обоих случаях затрагивались вопросы соотношения археологии с текстами Священного писания, а отчасти – с преданием и ранней историей Церкви.

Работу решено было разделить примерно пополам, так, чтобы каждый мог идти от более знакомому ему материалу к менее знакомому, навстречу друг другу, как два поезда из арифметической задачи (*Н.М.* двигался, как свойственно историку, вдоль временного вектора, а

Л.Б. – против этого направления, так сказать, вглубь времени, что часто приходится делать именно археологу). Так и получилось, что две половины книги не тождественны по подходу. Главы *Н.М.* читатель найдет более историчными, более ориентированными на соединение текстов Ветхого Завета и иных источников с археологическим материалом, более стремящимися к позитивным выводам. В главах *Л.Б.* сделана попытка отстраниться от традиционных письменных источников, от обычного стремления подтвердить их, соединиться с ними, обогатить их или опровергнуть. В обоих случаях, однако, главной задачей ставится создание информационного пространства для источниковедческого освоения археологических материалов, а также снабжение читателя инструментарием для проведения такой работы. Именно этим определено и стремление максимально подробно и наглядно представить материалы раскопок: таблицы постепенно составили в книге относительно независимый смысловой ряд.

Позволим себе подчеркнуть еще раз важность создания единого курса археологии религии в избранный период, и оправдать значительную широту ее культурно-исторического охвата. Необходимость изучения археологического контекста при исследованиях религиозной культуры прошлого сегодня не нужно доказывать – хотя так было не всегда. Без него невозможно полноценное, современное понимание историчности книг Ветхого Завета, Евангелий и других новозаветных текстов; от его отсутствия страдают полнота и серьезность научных интерпретаций текстов; и, в еще большей степени, преподавание дисциплин, нужных для изучения Библии во всем объеме.

Понимание же сущности тех перемен, которые произошли в религиозной жизни Средиземноморья, прежде всего процесса распространения христианства, зависит от учета постоянного взаимодействия в Средиземноморском очаге цивилизации основных его культурных составляющих. Этими составляющими были, во-первых, наследие древневосточных цивилизаций; во-вторых, греческой классической культуры. Процесс взаимодействия между этими двумя составляющими был активизирован походами Александра Македонского и нашел выражение в создании общей, эллинистической, культуры. Третьей составляющей было огромное и быстро растущее политическое новообразование, поглотившее практически все Средиземноморье и угрожавшее полностью переработать его традиционную структуру. Этим новообразованием был позднереспубликанский и, особенно, императорский Рим. Он объединял мир отнюдь не механически: его культура, в свою очередь, во многом была основана на греческом наследии и усвоила большое количество восточных элементов, вплоть до великой религии, христианства. Эти «простые» соображения определили географические и хронологические рамки нашей работы.

Хотя речь идет о заполнении конкретного хронологического разрыва, задача книги не должна пониматься как механическая, как простое расширение ранее заданных рамок. В изучаемом периоде мы сталкиваемся с иной проблематикой, мало (или совершенно) не заявленной в уже опубликованных работах. Эта проблематика – взаимоотношение археологических материалов с историческими книгами Ветхого Завета и новозаветными текстами; археологическое изучение среды, в которой зарождалось и делало первые шаги христианство, а также развивался ранний иудаизм. Поэтому нас будут интересовать такие вопросы, как, например, взаимодействие разнообразного культурного ландшафта Палестины, цветущих торговых городов в приморье или пустынях (на перекрестках караванных путей), – и замкнутых в себе, ориентированных на локальное развитие нагорных областей (Иудея) с центром в Иерусалиме (не столько городе, сколько святилище, последнем великом храме Древнего Востока). Затем – причины возрастания значения территорий Сиро-Палестинского региона в культуре Средиземноморья; формы включения общества, сложившегося как закрытое и локальное – в мировой (для того времени глобальный) контекст (процесс неизбежно очень болезненный и растянувшийся на два-три века).

Отсюда – наше стремление охватить археологию Палестины с достаточно раннего периода (эпохи ассирийских и вавилонских опустошений и эллинизма), а также раздвинуть географические рамки (что совершенно необходимо для эпохи Римской империи и зарождения христианства). На основе такого подхода сформированы первые пять глав книги, которые можно назвать контекстуальными, или вводными. Шестая, самая крупная, отведена под изучение тех древностей, которые непосредственно связаны с памятниками двух религий – иудаизма и христианства.

Здесь перед нами встает старая проблема соотношения священных текстов Писания и конкретного исторического материала (не тревожившая нас с тех пор, как осталась позади «библейская археология» с ее проблемами достоверности Потопа, археологических свидетельств эпохи Патриархов, следов «завоевания Ханаана Иисусом Навином» и создания Единого царства). Ведь изучение Палестины эпохи эллинизма не порождает таких разительных противоречий: ни между письменными и археологическими источниками, ни внутри этих областей (то есть между историческими книгами Ветхого Завета и остальными текстами). А если и порождает, то это привычные любому историку проблемы, не усугубляемые сакрализацией того или иного источника, превращающей каждую строку его в непререкаемый авторитет, а всякий анализ – в болезненную операцию.

Переходя к археологическому изучению эпохи Нового Завета и ранней Церкви, мы снова оказываемся лицом к лицу с вечным вопросом религиозной археологии, проблемой достоверности того или иного сообщения Писания, отношение к которому нам следует определить.

Прежде всего отметим, что археология – наука, лежащая вне сферы теологии. Рисуя нам те или иные события, она не стремится, не может и не должна доказывать ни теологической, ни исторической истинности Нового Завета. Он останется, с точки зрения науки, религиозным преданием или мифологическим текстом – даже в том случае, если будет доказано, что каждая географическая деталь новозаветных текстов стопроцентно верна (выражение Мак Рэя). Но при этом именно археология, в особенности раскопки последнего полувека, сделала для понимания Нового Завета, для его оживления, несравненно больше любой другой науки.

Говоря об историческом Иисусе, мы часто не задумываемся над тем, что его Завету уже два тысячелетия, и он дошел до нас лишь через десятые копии с «автографов», причем написанных на языках, чужих подавляющему большинству ныне живущих. Эти копии писали и читали люди, жившие в совершенно чуждом, незнакомом, разительно отличном от нашего и давно утраченном контексте (географическом, историческом, социальном). У нас есть серьезные основания думать, что наше понимание текста Писания затемнено и замутнено переносом его в современный контекст. И археология, как ни одна наука, помогает прояснить первоначальное значение фраз, углубить наше понимание текста. Считается, что археология действует при этом по четырем главным направлениям.

Во-первых, археология изучает среду, в которой создавались письменные источники для реконструкции религиозной жизни эпохи Нового Завета (и обнаруживает сами эти источники – достаточно упомянуть Кумран, Наг Хаммади, памятники псевдоэпиграфики), показывающие Палестину настоящим кипящим котлом религиозных и философских споров. Во-вторых, археология ответственна за сбор и, отчасти, датировку древнейших манускриптов с текстами Нового Завета (в основном это папирусы, обнаруживаемые в Египте), крайне важными для его реконструкции. В-третьих, археология улучшает знания географии и общего ландшафта (в т. ч. архитектурного), в котором разворачиваются библейские события (помогая понять, например, что описание чуда исцеления слепца дано в пространстве между двумя Иерихонами, новым и старым). Возникает особая область новозаветной географии – точно так же, как новозаветной просопографии и хронологии. Археология показывает известное соответствие текстов Нового Завета – историческому контексту: реальными становятся некоторые объекты («колодец Иакова», «бассейн Вирсавии», «Силоамская купель», подиум Гаваффы), а также личности,

упоминаемые в Евангелии, от Понтия Пилата до Эраста из Коринфа. Соответственно, упрочилась и уточнилась хронология. В-четвертых, можно говорить о реконструкции археологией социальной среды Средиземноморского мира первых веков н. э. (это самая молодая область: археология только в XX в. расширила подход к Новому Завету от хронологического, географического и архитектурного – до социологического). Примерно в таких же направлениях работает археология и применительно к истории ранней Церкви.

Говоря о методическом подходе, мы надеемся, что нам удастся избежать соблазна постоянного увязывания друг с другом археологических данных со священными для христиан текстами Завета, «эллинизованными» сочинениями Иосифа Флавия, материалами эпиграфики и «пустынных библиотек». Соблазн такой увязки всегда особенно силен из-за присутствия большого количества текстов: именно для этой эпохи такая увязка кажется историкам и возможной, и важной; на самом же деле она идет всегда болезненно и с нарушением процедур исследования. Мы убеждены, что для объективного изучения культуры избранного периода следует обращаться к каждой из научных дисциплин, обладающей сложившимся методом исследования, оставаясь в ее рамках, и лишь потом сопоставлять выводы.

Область нашей книги – археология и близкие ей дисциплины: нумизматика, эпиграфика, отчасти история искусства. Мы не стремимся противопоставлять или «увязывать» данные археологии и письменных источников (в т. ч. священных текстов), проверять одно другим и т. п. Напротив, мы стараемся источниковедчески разделить их, постоянно подчеркивая, каким образом получена информация, и уделить наибольшее внимание «вещественным памятникам», изучение которых развивается наиболее динамично. В создании книги мы опираемся на последние из доступных к настоящему времени публикаций наших коллег в Израиле, США и Западной Европе, и ставим своей задачей по возможности широко охватить этот (весьма значительный) материал, осмыслить его и облегчить доступ к нему студентам, а также (льстим себя этой надеждой) коллегам. Работе над книгой помогла предоставленная Л.А. Беляеву возможность заниматься в библиотеках США, Италии и Германии, за которую следует сердечно поблагодарить Институт гуманитарных исследований (Университет штата Висконсин, г. Мэдисон, США), Исследовательский институт центра Гетти (г. Лос-Анжелес, США), Фонд Карло Леричи (Италия) и библиотеку университета в г. Хайдельберг (Германия). Значительный вклад в правку текста внесли наши рецензенты – Т.М. Арсеньева, В.И. Гуляев, Г.А. Кошеленко, и Т.Н. Мишина (Институт археологии РАН). Не менее важной оказалась помощь молодого гебраиста Светланы Викторовны Бабкиной, которая совершенно бескорыстно взяла на себя труд проверки научного аппарата и блестяще, на взгляд авторов, с ним справилась. Имена собственные, топонимы и цитаты из Священного Писания были выверены А.М. Беляевой, переводы греческих и латинских текстов для раздела «Археология и Слово» проверены М.И. Афанасьевой. Мы искренне благодарны также всем, кто терпеливо ожидал готового текста (который все откладывался с года на год). Наконец, мы искренне признательны Институту философии, теологии и истории ев. Фомы за открытость и готовность к сотрудничеству.

Глава I

Сиро-Палестинский регион в ассирийский, нововавилонский и ахеменидский периоды

Первая глава нашей книги охватывает период от гибели Еврейских царств до прихода на Ближний Восток армии Александра Македонского. То есть, примерно, 400 лет – очень значительный период даже для ровного, непрерывного развития. А эта эпоха менее всего может считаться стабильной, напротив, ее можно назвать, особенно в первой части, своего рода «смутным временем»: трижды сменялись захватчики-иноземцы, переселялось и вновь возвращалось население, восставали в стремлении к самостоятельности зависимые от захватчиков государства, заключавшие союзы то с одним, то с другим династом. Понятно, что частая смена политической ориентации вызывала перемены в демографии, торговле, производстве, даже в религии и, конечно, в культуре.

Археология сравнительно недавно начала строить собственную модель жизни этой эпохи в библейских странах, то есть на пространстве, ограниченном с севера Малой Азией, с юга Египтом, с востока Месопотамией и Средиземным морем с запада. Однако определенные успехи уже достигнуты, и нам следует ознакомиться с ними, прежде чем обратиться к археологическим свидетельствам формирования раннего иудаизма и христианства. Начнем с краткого очерка истории региона, какой она рисуется по традиционным, то есть письменным, источникам, подкрепленным также данными эпиграфики, нумизматики и сигиллографии².

Общий очерк истории

Рассматривать археологию и историю Сиро-Палестинского региона в избранный период следует не как часть изолированной и уникальной «священной истории», а как важную составляющую развития первых империй, то есть на гораздо более широком фоне «большой» ближневосточной истории. Ранние империи (Ассирийская, Нововавилонская и Персидская) были государственными образованиями, включавшими в себя территории, разнородные в этническом, экономическом и политическом отношении. Это включение осуществлялось на основе существенной переработки старых социально-экономических связей. Местные правители при этом переподчинялись центральному правителю (царю) или заменялись имперскими чиновниками (как сказали бы сегодня, создавалась единая вертикаль власти). На завоеванные земли распространялось новое территориально-административное деление (оно учитывало традиционные этнические и географические факторы, но не обязательно следовало им). Жители новых земель (хотя так было не во всех случаях) обычно считали свои отношения с центральной властью («метрополией») неравными и несправедливыми, и местные элиты, особенно на окраинах, периодически делали попытки выйти из состава империи или сменить центральную власть путем заговоров и мятежей. Ранние империи оставались сравнительно непрочными и существовали недолго, в течение жизни трех-четырёх поколений правителей.

Первой из них стала Ассирийская, мощные завоевательные походы которой привели всего за 15 лет (745–731 гг. до н. э.) к включению в нее всей северной и западной части Сиро-Палестинского региона (Урарту, Северная Сирия, Финикия, часть Аравии), Филистии (Газа и Ашкелон) и Дамаска. Власть Ассирии признал царь Иудеи Ахаз, который упомянут среди вас-

² Подробный обзор истории этого периода на основе письменных источников и современной западной литературы см.: Циркин Ю.Б. История библейских стран. М, 2003, с. 294 и сл.; для начальной стадии периода рекомендуем также монографию Тантлевского: *Тантлевский И.Р.* История Израиля и Иудеи до разрушения Первого Храма. СПб, 2005.

салов ассирийского царя Тиглатпаласара. Последний занял также Галилею и земли за р. Иордан, наложив дань на оставшиеся незавоеванными города второго царства евреев – Израиля. На престоле Израиля оказался новый правитель, Осия, признавший верховную власть Ассирии и выплативший ей дань. Вассалами ассирийцев стали соседние царства Моав, Аммон и Эдом. Позже Осия примкнул к антиассирийскому движению финикийских городов, поддержанному Египтом, но был захвачен в плен ассирийским царем Салманасаром V, а остатки его государства Ассирия присоединила после трехлетней осады Самарии (взята в 722/721 г. до н. э.). Часть населения Израиля увели в плен, согласно Библии, при том же царе (2 Цар 17, 6) или его преемнике Саргоне II, и поселили в Месопотамии и Мидии (после 713 г. до н. э.).

Соперничество Ассирии и Египта заставило ассирийцев обратить особое внимание на ключевые в военно-политическом отношении города Филистии, которые удалось подчинить не сразу: только масштабные вторжения Саргона II и Синаххериба и осада Газы (720 г. до н. э.), Ашдода (712 г. до н. э.) и Экрона (701 г. до н. э.) позволили разрушить антиассирийский союз и превратить этот важнейший регион в базу для дальнейших вторжений в Египет³.

В борьбе с филистимско-египетско-израильской коалицией были разрушены многие города Израиля, вновь взята Самария, выведено ее население. Владения Ассирии расширились за счет филистимских городов: Ашдод, Гат и другие вошли в новую ассирийскую провинцию.

Завоеванные земли ассирийцы разделили на округа (в Сирии, Палестине и Финикии их насчитывают 22; сейчас их называют на римский манер провинциями). Округами управляли чиновники-ассирийцы, которые командовали войском и собирали налоги. На периферии империи остались автономные (вассальные) царства: Иудея, Аммон, Моав и Эдом, а на побережье – несколько городов-государств Финикии и Филистии, но их земли были, в основном, аннексированы.

Ассирийские цари считали необходимым переселять большие массы коренных жителей региона и замещать их народами из других областей. В Месопотамию из Сирии переместили арамеюв, из Самарии и Израиля – евреев, из Газы – филистимлян; в то же время, жители Южной Месопотамии и часть арабийских племен оказались в Израиле. Однако переселение не было тотальным – значительное число жителей осталось на месте. Выводили семьи знати и воинов, а также ремесленников и вообще горожан. (Так будет позже и при выведении евреев из Иудеи в Вавилон – основной массив сельского населения останется в своей стране.) В Ассирии переведенные семьи поселили, соответственно, в городах.

Сохранившиеся в Самарии группы крестьян-евреев растворили в своей среде переселенцев-ассирийцев из Месопотамии, удержали израильский культ Яхве и традиционный центр почитания своего Бога – г. Бейт-Эль, в конце концов образовав, к середине VI в. до н. э., новый этнос – самаритян, вероисповедание которых считают разновидностью иудаизма. Похожим образом, на основе арамейского, возник этнос сирийцев. Но, если арамеи сыграли важную роль в формировании Ассирийской империи, и их язык вскоре стал ее официальным языком, в конце концов оказавшись в роли основного межэтнического языка чуть ли не всего Ближнего Востока – то судьба евреев оказалась иной: их группы, выведенные из Израиля, в основном растворились в других этносах.

Сохранившей политическую автономию Иудее пришлось выстраивать отношения с Ассирией и, в то же время, добиваться внутренней консолидации, чтобы избежать судьбы Израиля. Судя по проповеди пророка Исаяи, консолидации страстно искали на пути укрепления монотеистического культа Яхве. Это выразилось в реформах царя Езекии, очистившего иерусалимский Храм, уничтожившего статуи божеств, упразднившего их святилища и вос-

³ В VII в. их осуществляют Асархаддон (681–669 гг. до н. э.) и Ашшурбанапал (669–ок. 633/27 гг. до н. э.). Во время этих войн ассирийцы впервые, сколько известно истории, применяют в массовом порядке оружие из нового металла – железа – против египетского фараона XXIV (нубийской) династии Тохарки (689–663 гг. до н. э.).

становившего праздник Пасхи (который в разделенных царствах не справляли). Были приняты меры к восстановлению престижа Храма и жречества, которое стало получать постоянное содержание. Столицу Иудеи и ее Храм, несомненно, воспринимали как общие центры еврейского народа, вне зависимости от того, на какой территории жила та или иная его часть. Несмотря на то, что все еще сохранялись соперничавшие центры (например, Арад с его храмом Яхве), Езекии удалось добиться религиозно-этнического объединения народа в период крайнего ослабления политических связей.

Новые попытки освободиться от власти ассирийцев несли Сиро-Палестинскому региону всё новые испытания. Выступление коалиции государств-вассалов Халдеи, Тира, Ашкелона и Иудеи привело к ряду карательных походов ассирийского царя Синаххериба, осадившего заново укрепленные и вновь построенные крепости мятежников на побережье и в Иудее. Мятеж в Финикии и Филистии был подавлен, а над Иудеей нависла угроза полной потери независимости. Это хорошо осознавали ее жители. Некоторые историки даже видят в памятниках эпиграфики отражение подобных настроений. Известный религиозным традиционализмом Анри Лемер, например, трактует так прочтенный им в пустой гробнице под Лахишем (Хирбет Бейт Лея) текст с проклятиями врагам и с призывом к Яхве («владыке гор Иудеи, Богу Иерусалима и всей земли») о помощи и милосердии (см.: Lemair 1976, pp. 565–568). Повидимому, был заново укреплен Иерусалим, собрано ополчение и заготовлено много оружия. Синаххериб начал с осады и взятия крепостей, в том числе Лахиша, которые разрушал и увозил в плен их население, забирая скот и другие ценности. Иудея покорилась, выплатив очень значительную дань. Но планировавшаяся осада Иерусалима не удалась, так как в войске Синаххериба началась эпидемия, и оно вернулось в Месопотамию. После кампаний Синаххериба центром управления Палестиной стал город Экрон – опорная база ассирийцев и крупный экономический центр, поставлявший оливковое масло (Gittin, Dothan 1987, pp. 214–215).

Отметим, что результаты деятельности Езекии и похода Синаххериба окажут влияние на формирование идей иудаизма и христианства: чудесное спасение Иерусалима от разгрома утвердило народ в мысли об особом божественном покровительстве Храму. Оно вызвало ожидание близящегося спасения евреев от гнета Ассирии, знаком чего должно было стать рождение чудесного младенца, Эммануила, от девы царственного рода из дома Давида.

Очередной поход ассирийцев на мятежные города пришлось предпринять сыну Синаххериба, Асархаддону, который покончил с автономией Сидона. В это время в Иудее правил уже сын Езекии, Манассия, восстановивший поклонение языческим божествам, поставивший в Храме статую Астарты и выполнявший принятые у финикийцев обряды проведения первенцев через огонь на финикийском святилище-некрополе, *тофете* (см. Иер 7, 13). В этом видят знаки установления особо тесных связей Иудеи с Финикией, прежде всего с Тиром, в период напряженной ситуации на Востоке. Новое противостояние Ассирии и Египта, который поддерживали Тир и Иудея во главе с нелюбимым (судя по Библии) народом Манассией, привело к аресту последнего ассирийцами. По возвращении он, судя по тому же источнику, вернулся к монотеизму. В дальнейшем Иудея исчезает из описаний борьбы царей Ассирии с Тиром и Египтом, которая с переменным успехом шла всю вторую четв. VII в. до н. э., но с середины столетия Ассирия вступила в полосу упадка и внутренней борьбы, в ходе которой на земли Сирии и Палестины переселяют все новых горожан из Месопотамии и Элама.

В Иудее в это же время происходит смена правящих царей из рода Манассии и окончательное упрочение монотеизма с его исключительным и единственным отныне центром: Храмом в Иерусалиме. Правительство малолетнего царя Иудеи, внука Манассии Иосии, в очередной раз уничтожило жертвенники, языческие кумиры и даже погребения жрецов-язычников (включая святилища в Бейт-Эле и Араде), в то же время ведя ремонт и очищение Храма. Преобразование нарождавшегося иудаизма было торжественно закреплено публичным подтверждением «договора» с Богом, который произнес царь от имени народа. Археологические сви-

детельства дают основания судить о деталях процесса, например, о сборе серебра для ремонта храма – так, один из остраконов указывает на Захарию (имя, известное также Библии) как на собирающего деньги по поручению царя.

Тем не менее, описывая состояние религии в последние десятилетия существования Иудейского царства, Эфраим Штерн определяет его как «ягвистическое язычество», документируя остатками святилищ на открытых возвышениях («вершинах», «бемах») с алтарями, статуэтками божеств и ритуальными сосудами (Stern 2001, 200ff.). Он подчеркивает, что эти признаки единообразны и присущи многим группам населения Палестины вне Иудеи, невзирая на различия в именах верховных божеств (Яхве в Иудее, Кос в Эдоме, Милхом в Аммоне, Кемош в Моабе, Баал в Финикии и т. д.). Таким образом, нарождавшийся монотеизм сосуществовал и боролся с укоренившимся в Палестине традиционным многобожием⁴.

Царствование Иосии отмечено политическими акциями, позволившими расширить владения Иудеи. Север был занят до города Дан включительно (это подтверждено раскопками города Гезер, где крепость иудеев датирована около 630 г. до н. э., и к этому же периоду отнесен остракон, датированный 10-м годом правления Иосии); на юге, в Филистии, жители Иудеи построили новую крепость. Хотя Ассирия номинально еще существовала, помешать этим действиям она не могла. Вскоре (635 г.) в Филистию вторгся, разрушив Ашдод и приведя к упадку другие города (в том числе Экрон), фараон Псамметих; египтян с трудом удалось вытеснить. Считается возможным, что в это же время Сирия и Палестина пережили вторжение скифов из Причерноморья, но оно не фиксируется ни археологическими материалами, ни клинописными источниками.

Резкое ослабление Ассирии поставило на злобу дня новый передел Ближнего Востока между Египтом и Ново-Вавилонским царством, сменившим в Месопотамии Ассирийское. Иудея оказалась вовлеченной в него, так как попыталась остановить движение войск фараона Нехо II (609 г.) против вавилонян, но потерпела жестокое поражение под Мегиддо (перед сражением погиб царь Иосия). Иудее пришлось выплатить дань и какое-то время терпеть вмешательство египтян во внутренние дела (так, они решили судьбу престола, восстановив на нем старшего сына Иосии, Элиакима).

⁴ Напомним, что эту борьбу ветхозаветные тексты видят основным содержанием истории. Они рисуют монотеистический культ в Иудее как главный: его отправляют жрецы, проповедуют пророки; цари принимают меры к укреплению иерусалимского Храма как единого и единственного центра богослужения (судя по количеству отмеченных святилищ, успехи попыток подобного рода не слишком значительны.) «Ягвистическое язычество» было общей чертой для Иудеи, включая Иерусалим, на протяжении всего периода ее существования. Особенно распространенными во времени и пространстве были культы Баала (точнее Баалов, поскольку в некоторых регионах божество почиталось в разных образах) и богини плодородия Астарты. Баал олицетворял созидательные и разрушительные силы природы, и каждая разновидность требовала особой формы поклонения. Оба культа были основными у хананейцев и финикийцев уже в сер. II тыс. до н. э. (Числ 25, 3; Иер 19, 5) и еще при жизни Моисея стали проникать и в Израиль (Числ 25). В дальнейшем поклонение Баалам периодически возрождалось и противостояло монотеизму: (Суд 2, 11; 3, 7; 10, 6); сохранялись старые и возникали новые храмы (4 Цар 10, 21; 11, 18). Библия упоминает жертвенник Баала (Суд 6, 25), жертву всежжения (3 Цар 18, 26), молитвы и заклинания (3 Цар 18, 25, 26); одежды жрецов Баала (4 Цар 10, 22). При некоторых царях культ Баала получал официальный статус (при Ахаве в Израиле, Ахазе и Манассии в Иудее: 3 Цар 16, 3 и сл.; 18; 2 Цар 28, 2 и сл.; 4 Цар 21, 3 и сл.); число его пророков и жрецов исчислялось сотнями; храмы и жертвенники Баала устраивали на «высотах», включая кровли (у Ахава – на кровле дворца – 4 Цар 23, 12). Культ Астарты имел глубочайшие корни в раннеземледельческих представлениях о богине-матери, дарующей плодородие и урожай. Ее, под разными именами, почитали ближневосточные народы, семиты и несемиты: Иштар в Месопотамии, Атар в Сирии, Асторет (Аштарот) в Израиле, Астарте в Финикии. Даже в сравнительно позднем памятнике – молитве времени ассирийского царя Ашшурбанапала (VII в. до н. э.) – образ её предельно величественен и выразителен: «Мал ты был, Ашшурбанапал, когда я оставила тебя у божественной царицы Ниневии. Немошен был ты, Ашшурбанапал, когда сидел на лоне божественной царицы Ниневии; от двух ее сосцев ты питался, а в двух других прятал свое лицо» (цит. по: Нюстрем 2000, с. 31; этому образу соответствуют широко распространенные изображения Астарты с четырьмя грудями). В храмах Астарты были, помимо жрецов, «блудницы и блудники», что строго порицалось Ветхим Заветом и относилось к «мерзостям перед Господом» (Втор 23, 18). Статуи Астарты выделялись обыкновенно из стволов деревьев (Суд 6, 26 – «священное дерево») и были очень многочисленны: в библейском тексте постоянно восхваляется уничтожение их праведными царями (4 Цар 23, 4–7) и проклинается восстановление неправедными (4 Цар 21, 7).

Претензии Египта на Сиро-Палестинский регион рухнули скоро: ставший в 605 г. царем Вавилона Навуходоносор вторгся в Сирию и Ливан, затем в Финикию и Филистию. Около 601 г. можно говорить о формальном подчинении ему Иудеи. После реформы армии вавилоняне стали настолько сильны, что могли не опасаться египтян. В это время в Иудее вели борьбу две «партии», интересы которых в Библии выражены проповедью двух пророков-антогонистов, Иеремии (вавилонская партия) и Аммоса (египетская партия). Царь Иудеи, Иоаким, оказался на стороне последнего – что повело к походу Навуходоносора на его страну, взятию и полному разграблению Иерусалима. Иудея стала вассальным государством, а ее размеры уменьшились. Она все же продолжала участвовать в антивавилонских коалициях, что вызвало новый поход и захват вавилонянами почти всех городов Иудеи. После продолжительной кампании пали последние крепости, Азек и Лахиш, а затем – Иерусалим (18 июля 586 г.). Город и храм сожгли, жителей, включая царя Седекию, вывели в Месопотамию. Всего из страны депортировали, по современным подсчетам, 10 % жителей – но на месте остались земледельцы и те, кто поддерживал вавилонян (среди знати было много их сторонников, в том числе пророк Иеремия). Иудея перестала существовать как государство, а новой столицей провинции, вместо разрушенного Иерусалима, стал Мицпа – древний город на землях колена Вениаминова, где когда-то помазали на царство Саула, первого царя Израиля. В последующие годы переселения из Иудеи и других царств (Аммона, Моава, Эдома) повторялись, а натиск вавилонян на юге, в Заиорданье и Аравии продолжался.

Вавилоняне, подобно ассирийцам, уводили коренное население завоеванных территорий в Месопотамию, где пришельцы становились царскими рабами (ремесленниками, слугами, моряками) в самом Вавилоне или на землях вокруг него, где создавались полиэтничные общины. В этих районах сохранялись или восстанавливались старые родовые связи, поддерживались связи с родиной. Они хранили религиозные традиции: для иудеев это был, в основном, монотеизм, вера в Яхве – единственного истинного Бога и творца вселенной. Эта вера стала основой их этнической самоидентификации, основой самосохранения народа.

Важные политико-этнические перемены происходили и на местах, откуда вавилоняне выводили население. В отличие от ассирийцев, они не селили на место коренных жителей пришельцев. Это демографически ослабляло покоренные земли и спонтанно меняло их этнический состав. Полагают, что в Южную Палестину и Иорданию стали проникать арабские племена, набатеи и кедариты. Царство Кедар вело активную борьбу с ассирийцами, а в VI – нач. V в. до н. э. продвинулись в Палестину. Этим объясняют появление дворца и храма в Лахише (возможно, резиденции правителя Кедара) и распространение небольших алтарей для благовоний, типичных для Аравии, в южных районах Иудеи (на одном из них, тоже в Лахише, обнаружена надпись царя Кедара: Weippert 1988, pp. 700–701; Lemaire 1974, pp. 67–70; надпись сделана по-арамейски, а храм построен в традиционной манере эдомитов); в районе дельты Нила находят арабские алтарики палестинского типа и серебряные чаши, на одной из которых выгравирована надпись с упоминанием царя Кедара. Арабы вышли и к Филистии, подчинив приморские Газу и прилегающие пустыни Синая. Граница их владений проходила между Газой и Ашкелоном, а внутри страны – южнее Иерусалима и севернее Лахиша. Перемены, с этим связанные, были существенно более значительными для Средиземноморья, чем можно думать: арабы теперь контролировали узловую зону на древней «трассе благовоний» из Южной Аравии к Средиземноморью.

Владычество Вавилона было сравнительно недолгим. В 539 г. столица царства была захвачена первым царем Персии, Киром. Персидская империя царей Ахеменидов была гораздо крупнее и сильнее Ассирийского или Нововавилонского царств, ее считают первой мировой державой древности. Политика Ахеменидов в отношении подчиненных территорий (то есть фактически всего Ближнего Востока, Передней Азии и значительной части Центральной Азии) была также принципиально иной, чем у ассирийцев или вавилонян. Вступив на престол, Кир

разрешил переведенным в Междуречье народам вернуться на родину – во всяком случае, это было сделано в отношении иудеев. До нас дошли тексты обеих версий царского декрета об этом, арамейской и еврейской (специально предназначенной для иудейской общины), разрешавшие не только возвращение в Иерусалим, но и восстановление в нем Храма (для этого были возвращены даже священные сосуды, захваченные вавилонянами в 586 г.). Значительная часть иудеев этим воспользовалась и во главе с утвержденным Киrom правителем (*наси* — «князем») Шешбацаром и первосвященником по имени Иисус вернулась в Иерусалим. Иудея стала административным подразделением персидской провинции. Обычно персы сохраняли в качестве правителей одну из местных родовитых семей (в Трансиордании, например, правил род Тобиадов), и вскоре престарелого *наси* сменил его племянник, Зоровавель. В Иудее, видимо, ждали восстановления на троне потомков Давида, но между светским правителем и главой общины иерусалимского Храма началась борьба за власть, которая осталась за первосвященником.

Преемник Кира, Камбиз, предпринял поход на Египет, который был подчинен, однако это стоило царю жизни, а Персии – гражданской войны. Победивший в ней царь Дарий провел реформу управления, в результате которой вся империя была поделена на сатрапии, те – на «провинции», а провинции – на отдельные общины. К западу от Иордана образовалось 5 провинций: Иудея, Самария, Галилея, Идумея и Ашдод. Финикийские города и Кедар, входя в сатрапии, не подчинялись правителям провинций, они сохранили автономию и свои царские династии. Все земли, находившиеся к западу от Евфрата (то есть Сиро-Палестинский регион), включили в провинцию «Заречье» (по Геродоту это пятая сатрапия), с центром, видимо, в Дамаске. Первый известный сатрап Вавилона и Заречья, Уштан, был назначен в 520 г. до н. э.; его сменил некий Татнай; позже сатрапом Заречья был хорошо известный Мегабаз, подавивший восстание Вавилона в начале 480-х гг. Примерно тогда же ввели новый ежегодный налог на каждую сатрапию, от которого иудейская гражданско-храмовая община была вскоре освобождена. Из других повинностей, существенным было участие финикийцев и арабов в военных походах персидских царей.

Сатрапии были очень неоднородны – в пятую входили и богатые города, и мало развитые горные районы. Богатые приморские торговые государства Финикии, хотя и пострадали в ходе греко-персидских войн (в 480–450-х гг. торговля, судя по статистике керамического импорта, резко упала), сохраняли связи и с Египтом, и с Грецией.

К середине 450-х гг. в Иерусалиме отстроили Второй Храм и заново организовали его жречество. При царе Артаксерксе в Иерусалим вернулась еще одна группа иудеев из Месопотамии, во главе с Ездрой, потомком старого жреческого рода. В это время был издан новый царский указ, давший общине Храма юридический иммунитет – этим завершилось формирование иерусалимской гражданско-храмовой общины, окончательно выделившейся из состава остального населения (так, даже браки членов общины с чужими были запрещены, а заключенные – расторгнуты). Членами общины были признаны только потомки евреев, переведенных в Месопотамию, а потом вернувшихся (остававшиеся дома, как считал Ездра, утратили чистоту веры и выглядели в его глазах язычниками). В основу законодательства Ездра положил ветхозаветные законы, изложенные в Пятикнижии. В своей деятельности, которую можно назвать реформаторской, Ездра опирался на помощь царей Персии. В годы египетского восстания против Артаксеркса персидский царь отправил в Иерусалим как правителя своего эmissара – виночерпия Неемию, который был глубоко верующим иудеем и сменил Эзру на его посту. При нем были достроены стены Иерусалима и упорядочена служба в Храме, восстановлены некоторые древние обычаи (прощения долгов, возвращения должникам конфискованных земель и т. п.). Повинности и подати в пользу Храма также систематизировали. Вскоре община достигла полного преобладания в Иудее, и во второй половине V в. составила подавляющее большинство ее населения, а территориально заняла ее почти целиком. Самоназванием этой общины считается этноним «Израиль»: в исходном варианте это название союза двенадцати

племен, ведших происхождение от праотца Иакова/Израиля, внука Авраама; позже этот этноним обозначал Единое царство евреев, а по его распаде – Северное царство. В V веке оно обозначало тех, кто принадлежал к «богоизбранному народу», почитавшему Яхве, а особенно – членов восстановленной общины Второго Храма.

Чрезвычайно неоднородное, государство персов постоянно сотрясали восстания, особенно частые в Египте (во время одного из них был уничтожен храм Яхве иудейской военной колонии на о-ве Элефантина (южный Египет), поскольку иудеи упорно поддерживали власть царя). Большинство государственных единиц, составлявших империю, стремились упрочить и расширить свою автономию. Сатрапы могли чеканить свою серебряную монету, в V в. до н. э. ее начали чеканить также города Финикии (Сидон ввел ее в обращение уже в 450 г., через 15 лет – Тир, затем Арвад и Библ). Вскоре монета стала правом многих городов и областей Заречья, включая Самарию. В IV в. н. э. свои деньги стала чеканить Иудея, то есть, по сути дела, община Иерусалима. Западная и восточная части империи, разделенные р. Евфрат, были различны также в культурном и экономическом отношении: западные территории, Заречье, больше зависели от связей со Средиземноморьем, чем от глубинных областей Азии и самой Персии; в их монетах, например, был принят аттический стандарт (Сидон, Тир). В будущем это разделение проявится в формировании двух больших культурных областей: парфяно-сасанидского мира на востоке и эллинистическо-римско-византийского на западе. Стечением времени мятежи местных правителей все учащались, в них могли участвовать и наместники царя – сатрапы. В конце концов, в эти конфликты втянулась Иудея, у которой были отняты многие привилегии, а сама она, возможно, была включена в провинцию Самария; не прекращались и внутренние конфликты между светской и религиозной властью в самом Иерусалиме, в итоге которых единственным и непререкаемым главой храмовой общины стал ее первосвященник. Эти события имели важное значение для дальнейшего развития иудаизма, которое проходило уже в рамках новой эпохи – эллинизма, началом которого считается поход Александра Македонского (334 г. до н. э.) и крушение державы Ахеменидов.

1–1. Археология ассирийского периода в Палестине

Археологические свидетельства событий ассирийского нашествия многочисленны и разнообразны (Мерперт 2000, сн. 313); отметим лишь некоторые из них. В Иудее период борьбы с Ассирией отмечен резким усилением фортификационной активности и созданием новой, грандиозной системы водоснабжения Иерусалима при Езекии (722/716–686 гг. до н. э.), а в Лахише, Тимне и Гезере – слоями пожаров и разрушений. Следы разрушений в Израиле и Иудее, которые связывают с событиями 734 г. до н. э., четко представлены в ряде городов, особенно в Мегиддо (IV слой), Асоре (V слой) и Самарии. Последняя была на отдельных участках полностью разрушена (документируется даже выборка камней из фундаментов укреплений и построек царского квартала, которые, очевидно, сравнивали с землей). Вокруг вершины сохранились казематные стены (поскольку город стал одним из центров подчинённой Ассирии области), но массивные постройки, примыкавшие к ним изнутри, уничтожили: на их месте возникли сооружения с совершенно иным планом. Столь же резко сменилась керамика: в перекрывающих слоях находят формы, ранее чуждые Палестине, но близкие ассирийской керамике г. Нимруд, т. н. «ассирийской дворцовой керамике», вообще многочисленной на памятниках Северного Израиля (Тель Дор и др.) (см.: Мерперт 2000, с. 307; Kenyon, 1979, p. 28).

Отдельные следы присутствия ассирийцев в виде находок эпиграфического характера (стел с клинописными текстами) и разнообразных артефактов (от типичных ассирийских саркофагов до печатей с ассирийской иконографией) рассеяны практически по всей Палестине, до Раббат Амона на востоке, Кадеш-Барнеа и Хазевы на юге и Гуш Халава на севере. Показательны перемены в планировке (типичные «дворцовые» планы зданий и городов), архитектуре (протоэолийская капитель с горы Гризим), религиозной и бытовой материальной культуре некоторых городов Израиля (напр., Тель эль-Фара (сев.)). Постепенно обнаруживаются и памятники, непосредственно связанные с присутствием ассирийцев в Палестине: раскопанный в Рамат Рахель «дворец» с планом ассирийского типа показал, что в нем хранились значительные запасы продовольствия в сосудах, ручки которых несли штамп с изображением крылатого Солнца и надписью «лэмелех», «царское» (точнее, «царю», «для царя»); собраны 164 такие ручки. В том же дворце открыто уникальное для Палестины живописное изображение правителя-ассирийца, сидящего на троне.

Высокий уровень развития городов Филистии в пред ассирийский и ассирийский период археология свидетельствует безоговорочно. Их площадь быстро растет: у Ашдода, например, в пять раз; огромный Экрон II тыс. до н. э., к X в. уменьшившийся до незначительных размеров, вновь расцвел в VII в. до н. э., достигнув первоначальной площади (50 акров). Оба города до кон. VIII в. до н. э. сохраняли мощные укрепления предшествующей эпохи, в которых был воплощен богатый опыт ахейских предков филистимлян в области фортификационного строительства.

Филистия в ассирийский период. Исключительное значение для суждений о развитии Филистии в ассирийский период имело открытие в Экроне т. н. «Храмового комплекса 650». Это недолго существовавший и очень своеобразный «храм-дворец» (разрушен в 604 г.), где соединены черты архитектуры Ассирии, Финикии и Филистии. Огромное здание состоит, собственно, из нескольких сооружений, замкнутых общим обводом крытых коридоров, с внутренним открытым двором, обставленным с четырех сторон квадратными пилонами, и парадным колонным залом. Комплекс дал исключительно редкие, неожиданные находки. Среди них – предметы декоративного искусства Египта: амулет божества ремесла и знания, Птаха; изящно вырезанное на куске слонового бивня изображение богини или принцессы, относящееся к XIII в. до н. э. и попавшее в храм, видимо, в составе ассирийских трофеев из Египта.

Еще важнее обнаруженное на внутренней стене «целлы» храма посвящение правителя Экрона, царя по имени Ахиш/Икаусу (= «Ахейнин»? т. е. «грек») женскому божеству Птгих (Гайя? микенская богиня-мать). Благодаря этой надписи, Экрон – единственный известный из Библии город, твердо идентифицированный надписью, находящейся *in situ*.

В Экроне собран и другой значительный материал, говорящий о культуре, языке, верованиях его жителей в ассирийский период: здесь довольно многочисленны фрагменты керамики с депинти, среди которых встречены посвящения «богине Ашерат/Астарте», «святилищу», написанное по-финикийски число «30». О культовой практике говорят многочисленные рога-тые алтарики. Исключительно интересен серебряный медальон, гравировка на котором указывает на крайний синкретизм религиозно-художественных мотивов Филистии: на нем представлен мужчина с воздетыми руками, о чем-то молящий Иштар/Астарту, стоящую на спине льва; над обоими изображен крылатый солнечный диск, полумесяц и семь кругов.

Наконец, следует упомянуть о глиняной пластике Филистии, которая представлена головками статуэток, искусно выполненных и выразительных, с несколько гипертрофированно крупными чертами лица, полностью отличных от аналогичных синхронных изделий Иудеи.

Связи Филистии с эллинским миром выражены в распространенности греческой (особенно восточногреческой) керамики позднего VII в. до н. э. и местных подражаний ей, а также в планировке укрепленных городов (крепость Мецад Хашавьяху под Ашдодом; Экрон, Тимна и др. На этом фоне выделяется большой городской центр первой половины I тыс. до н. э. на побережье южнее Газы (Кватив), огражденный массивной кирпичной стеной с прямоугольными башнями. Прилегающий некрополь дал богатый материал, сочетающий филистимские, финикийские и ассирийские черты. Предполагается, что это торговый центр обмена финикийцев, ассирийцев, филистимлян и, возможно, египтян с арабами, о чем можно судить по источникам эпохи Саргона II.

Развитие Филистии, включая распространение многочисленных кратковременных поселений, повело к заметным переменам и в местной культуре: так, традиция расписной палестинской керамики II тысячелетия до н. э. сменилась около 1000 г. до н. э. тщательно обожженной и превосходно вылощенной по ангобу красной (иногда с черными полосами) посудой, хорошо представленной в Экроне, его «дочерней» Тимне и Ашдоде (в последнем – от начала X (слой X) до кон. VII в. до н. э. (слой VI). В Экроне и Тимне керамический комплекс VII в. до н. э. несколько отличается, но по типу это та же местная филистимская керамика. Правительственные и ремесленные кварталы Ашдода, Экрона и Тимны свидетельствуют также о динамичном экономическом развитии Филистии. В двух последних особенно интенсифицируется производство оливкового масла, в течение VII в. до н. э. достигшее промышленного размаха: огромные «заводы» Экрона давали тогда от 500 до 1000 тонн масла ежегодно.

По-своему интересна Тимна, стоявшая на границе между Иудеей и Филистией и на протяжении первой пол. I тыс. до н. э. неоднократно переходившая из рук в руки. Это делает ее удобной для археологических наблюдений. В кон. X в. до н. э. город был разрушен (при нашествии египтян?) и не заселялся до VIII в. до н. э. Очевидно, при Осип (785–742 гг. до н. э.) Тимну отстроили как типичный иудейский город, но в том же веке филистимляне отобрали ее у иудеев. Вскоре Езекия (722–686 гг. до н. э.) завладел ею, готовясь восстать против Синаххериба, что документируется находками керамических клейм и иудейских царских печатей. Разрушенный Синаххерибом город восстановили, заново спланировали и густо застроили. Тимна, чья культура оставалась отличной от иудейской и близкой к культуре филистимского Экрона, процветала вплоть до падения при вавилонском нашествии (ок. 600 г. до н. э.).

Финикия – одно из величайших явлений древней истории – сформировалась в начале железного века на восточном побережье Средиземноморья, от горного массива Кармель на юге до сирийской границы на севере (см.: Harden 1971; Parrot Chebab Moscati 1975; Moscati 1968;

Шифман 1965). Население её в основной части было автохтонно и восходило, возможно, еще к носителям культур докерамического неолита. В языковом отношении финикийцы связаны с ханаанейской ветвью западносемитского племенного массива. Не позднее IV тыс. до н. э. появились их древнейшие протогорода, а позже города-государства Сидон, Тир и Библ. Расположение в центре основных сухопутных и морских путей Восточного Средиземноморья обусловило их поразительно раннее и быстрое развитие: активные связи Библа и Египта известны в IV тыс. до н. э.; во II тыс. до н. э. можно говорить о конгломерате финикийских городов-государств, владеющих значительной сельскохозяйственной территорией на плодородных землях Приморской долины. В первой пол. I тыс. до н. э. Финикия стала морской державой: поразительное развитие кораблестроения, ближнего и дальнего мореплавания, сопутствующие многообразие и совершенство ремесел, активность торговли обусловили абсолютное господство финикийцев на морских путях и основание колоний на побережье от Кипра до Испании и северо-западной Африки (Шифман 1965). Открытие новых земель, народов и явлений природы способствовали непрестанному расширению и обогащению мировосприятия финикийцев, созданию развитой и сложной политеистической религиозной системы. Концентрация в Финикии товаров со всех концов ойкумены стимулировала и обеспечивала быстрое внутреннее развитие системы, в том числе ее урбанизацию: города служили религиозными, административными, торговыми и производственными центрами. История Финикии и ее культуры далеко выходят за пределы рассматриваемого региона; мы ограничимся только кратким обзором финикийских памятников Палестины, где связи финикийских городов с ее внутренними частями издавна оказывали весьма значительное воздействие на обе стороны⁵.

Речь пойдет прежде всего о коренной части Финикии – городах Тире, Сидоне, Библе и Арваде; о смежной с Израилем зоне между массивом гор Кармель и Рош ха-Никрой (Ахзив, Тель Кейсан, Акра, Тель Абу-Хавам); о городах узкой кармельской прибрежной долины (Шикмона, Тель Меворах, и Дор). В этих городах вскрыты очень незначительные площади, что резко сокращает возможность анализа их планировки и застройки, но отчасти это искупается богатством полученных материалов для построения керамической стратиграфии, изучения погребального обряда и инвентаря, культовой пластики, украшений и других артефактов.

В керамике выделяют три основные группы, развитие которых прослежено как в четко стратифицированных слоях самой Финикии (Сарепта, Тир, Тель Кейсан) и ее некрополях (Ахзив), так и за пределами страны, куда керамика импортировалась. Древнейшая финикийская бихромная керамика появляется в сер. XI в. до н. э., что может маркировать начало финикийской торговой активности в Филистии, Северном Негеве, на Кипре и в Египте. Незначительно изменяясь, этот вид воспроизводился на протяжении X–IX вв. до н. э. Группа т. н. кипро-финикийской керамики появляется в начале X в. до н. э.: эти сосуды покрыты красно-коричневым ангобом; по ангобу черной краской нанесен орнамент в виде горизонтальных линий и концентрических кругов; поверхность залощена. Чаши и кубки этой группы есть по всей Палестине. Этот тип орнаментации был занесен на Кипр, где имитировался уже на новых формах сосудов. Однако доминирующей группой была красноангобированная керамика. Она распространилась в ходе финикийской колонизации на Кипре, в Северной Африке, Сицилии, Сардинии и Испании. Основные ее формы – кувшины с трехчастным или «грибовидным» устьем и красно-коричневым, тщательно наложенным ангобом; тонкие изысканные чаши с пролощенными красными и желтоватыми полосами (известные как «самарийский тип»). Эта керамика, видимо, сменила в нач. IX в. до н. э. финикийскую бихромную. Кроме этих групп,

⁵ Финикийская культура впитывала традиции Ханаана; в то же время, в материалах Самарии и других городов эпохи Раздельных царств широко представлены изделия финикийских мастеров (например, шедевры резьбы по кости слона и гип-потамы).

финикийские керамисты производили тарные кувшины и амфоры, которые использовали иногда как погребальные урны.

Финикийская керамика в целом широко распространена в VII–VI вв. до н. э. не только в Финикии, но и в финикийских колониях вдоль средиземноморского побережья, а также в Палестине, где она служит надежным индикатором первых этапов колонизации финикийцами Центрального и Западного Средиземноморья и датирующим материалом.

Финикийском погребальный обряд первой половины I тыс. до н. э. выразительно и с многими вариантами засвидетельствован на кладбище Ахзива. Основных видов погребения два: ингумация в шахтных гробницах и кремация с помещением пепла в урну. Погребальные камеры вырубали в скале или складывали из камня; в них вели входные шахты. Тело помещали в камеру и, часто, снабжали богатым инвентарем. Иногда доступ был сквозь перекрытие, что говорит о вероятной связи камер с мемориальной постройкой на поверхности.

Кремация с заключением пепла в урну, часто амфоровидную, проникла в Палестину в кон. XI в. до н. э. (Асор; некрополи раннего железного века восточнее Яффы; Хама в Сев. Сирии). Обряд не был известен в ханаанейский период, и его появление связывают с населением, продвинувшимся в Палестину через Северную Сирию в XI в. до н. э. Воспринятый финикийцами, обряд был ими широко распространен. При трупосожжении глиняная урна с пеплом закапывалась в землю и перекрывалась каменной стелой. На каждую стелу наносили надпись с указанием имени покойного и божества, которому он поклонялся (могли изображать также символы божеств, но чаще их образы представлены барельефами на стенах святилищ). Захоронения кремированных образовывали большие кладбища со священными участками (*тофет*), хорошо известные в финикийской диаспоре на западе Средиземноморья (Карфаген; Мотья на о. Сицилия; Таррос на о. Сардиния, Аматус на о. Кипр), вокруг Тира и в нем самом; у города Ахзив). Именно эти последние дают информацию об ассирийском периоде, когда кремации сочетаются с ингумациями в шахтных гробницах.

Инвентарь (в основном труположений) многообразен и свидетельствует о богатстве финикийской материальной культуры. Это искусно и тщательно сделанные металлические, костяные, каменные украшения; печати; миниатюрные изделия; оригинальна глиняная пластика (изображения божеств плодородия; погребальные маски; сцены повседневной жизни); редко – изделия из стекла. В стиле этих изделий чувствуются египетские влияния⁶. Во второй четверти – середине I тысячелетия до н. э. судьбы финикийских городов-государств неоднократно пересекались с судьбами еврейских царств (Гельцер 1962); периодически активизировались их торговые и культурные связи; сохранялось воздействие на Израиль и Иудею финикийских культов, прежде всего культа Баала. Финикийские города (особенно Тир) участвовали в войнах, в том числе и между двумя еврейскими государствами, но они же пытались совместно с евреями противостоять нашествиям ассирийских, египетских, нововавилонских полчищ⁷. События, связанные с многократными разгромами независимых финикийских городов ассирийцами в последней трети VIII в., отражены лапидарной эпиграфикой, надписями на глиняной антропоморфной пластике, на бронзовых медальонах и монетах, упоминающих имя или несущих эмблему ассирийской провинции «Суммур» («Summur»), включившей значительную

⁶ «Уровень развития финикийского искусства демонстрирует саркофаг царя Ахирама (Xв. до н. э.), найденный в Библе, финикийская слоновая кость и декоративные металлические сосуды. Эти великолепные изделия, в большинстве своем найденные за пределами собственно Финикии, свидетельствуют о превосходной комбинации египетских и ханаанейских традиций, развитых талантливыми финикийскими мастерами в новое жизнерадостное искусство. И неудивительно, что великие израильские строители – Соломон и Ахав – обращались к финикийским мастерам за помощью при создании их царских центров в Иерусалиме и Самарии» (Mazar 1994, p. 541).

⁷ Походы царя Тиглатпаласара III в 743–738 гг. превратили города Финикии в провинцию Ассирии, лишенную самоуправления и обложенную данью. Последовавшие восстания были подавлены и вызвали новое нашествие Тиглатпаласара (734 г. до н. э.). Тир пять лет героически оборонялся от Салманасара V и Саргона II (725–720 гг. до н. э.), а далее – от Синаххериба (701 г. до н. э.); Сидон был разгромлен Асархаддоном.

часть побережья. Изменилась и религиозная жизнь Финикии: традиционный финикийский образ Астарты слился с образом Танит (надпись в храме I в Сарефте, посвященная «Танит-Асторет», VII в. до н. э.) и Изида (под именем «Астар-Изи»).

В финикийском пантеоне появляются имена египетских богов (Эвед-Осир; Эвед-Птах; Изида, иногда изображаемая с сыном Гором-Гарпократом, и отдельные изображения Гора). Они занимают места на печатях, металлических медальонах, сосудах, фаянсовой и, особенно, глиняной пластике. Большинство т. н. «столпообразных» статуэток (их полое тело вытягивали на круге, а голову и руки лепили отдельно) изображают женщин с длинным, спадающим на плечи париком и руками, поддерживающими груди (иногда – с младенцем на руках). Редкие надписи упоминают слияние имя Танит и Астарты; встречаются изображения их символа (дельфин). Особую группу составляют статуэтки женщин с музыкальными инструментами, иногда представляющими целый оркестр (барабан, тамбурин, лира, флейта).

Эти статуэтки долго считали «идолами», то есть трехмерными образами самих божеств. Однако в последние годы выдвинута гораздо более обоснованная интерпретация их как вотивных приношений в храмы, символизирующих просьбу о помощи; как исполнение обещания, данного (ex voto) ради благополучного разрешения от бремени женщин; как выражение их благодарности высшим силам.

С упадком Ассирии побережье воспряло: фиксируется новый всплеск торговой, экономической и иной активности городов Финикии, во главе которых становится Тир. Однако, втянутый в борьбу Египта против Вавилона, Тир был вынужден признать власть Навуходоносора II (574 г. до н. э.), и новый расцвет придет в Финикию только с персидской эпохой.

Восточные царства Аммон, Эдом и Моав в VIII–VII, до н. э.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.